

Автобус с журналистами мчит по горной дороге. Мы с изумлением следим, как козы объедают крону фисташки. На голом склоне куп всего несколько, и каждая подстрижена под зонт тщательнее, чем садовыми ножницами, а подлесок просто съеден.

*«Правда Востока», 15.8.2008г. Экоальманах «Просто пишем о среде» (четвертый выпуск), 2009г.***Автобус с журналистами мчит по горной дороге. Мы с изумлением следим, как козы объедают крону фисташки. «Ну проныры. Может, затормозим и отгоним?» На голом склоне куп всего несколько, и каждая подстрижена под зонт тщательнее, чем садовыми ножницами, а весь подлесок просто съеден. В ходе медиатура в Угам-Чаткальский национальный природный парк узнаем и про иные риски.**

«А ну-ка ответьте»

На тряской дороге дотошный социолог вручает анкеты. «В рамках международного проекта «Сохранение диких сородичей культурных растений» мы изучаем не только, где и как они произрастают в Узбекистане, но и что знает общество о проблеме. Вы — часть общества. А ну-ка ответьте». Журналисты напрягаются, забыв про коз с овцами. Зато мигом называют фисташку, а еще миндаль, грецкий орех, яблоню. Они мелькают вдоль грунтовки в урочище Писталисай. Можно вспомнить диких сородичей гораздо больше, просто сейчас не сезон, и не видно тюльпанов, отцвели колокольчики. Но желтеет алыча, а где-то на обочине клонится дикий ячмень…

Автобус тормозит, и мы вырываемся на простор, как счастливые школьники на перемену. Здесь оказались благодаря интересу к диким сородичам в мире и стране. Институт генетики и экспериментальной биологии растений Академии наук Узбекистана — национальное исполнительное агентство проекта — рассчитывает, что и СМИ озаботятся. Тропа, на которой растянулась шеренга человек в сорок, ведет вдоль пересохшего сая.

Эксперты сообщают, что участвуют в проекте пять стран: кроме Узбекистана, Мадагаскар, Боливия, Шри-Ланка, Армения. Координирует работу из штаб-квартиры в Риме Международный центр биологического разнообразия, а финансами поддерживают Программа ООН по окружающей среде и Глобальный экологический фонд. Впрочем, на ходу не особо поговоришь. Ждем привала, по пути ловя детали. Вот качается богомол на спине коллеги, а вот — рогатая корова (кто-то шутит про молоко в упаковке). Коз и баранов нет. Лес все гуще. Какие в нем дикие сородичи?

С ними не все понятно. Почему вдруг ажиотаж? На поляне узнаем, что не вдруг. Конвенция ООН о сохранении биологического разнообразия, вступившая в силу в 1993 году, а к концу 1995 года ратифицированная почти 120 странами, провозгласила целью сохранение разнообразия биологических ресурсов. Узбекистан, следуя требованиям конвенции, при поддержке ГЭФ и ПРООН готовит и в 1997 году принимает Национальную стратегию и план действий по сохранению биоразнообразия на десять лет. А в мире заглядывают куда дальше: ООН в 2000 году провозглашает Цели развития тысячелетия, в том числе и «Обеспечение экологической устойчивости». И в этом же году ряд международных организаций начинает проявлять озабоченность из-за резкого сокращения генных ресурсов, утверждая, что без них — никакой устойчивости.

«Видели, как козы атакуют дички? Подобное происходит и в других странах. С ростом населения диким сородичам культурных растений грозит потеря среды обитания. Их сохранение и разумное использование необходимы для продовольственной безопасности, устойчивости сельскохозяйственных систем и искоренения бедности, ведь они — источник многих полезных генов». Известны географические центры былого генного изобилия. Один из них — в Центральной Азии. Для участия в международном проекте от региона приглашается Узбекистан.

Шесть экспедиций в год

«Взявшись за работу, поняли, что информация фрагментарна и рассеяна, — говорит национальный координатор проекта Сатывалды Джатаев. — Но в научно-производственном центре «Ботаника» хранится гербарий, сбор которого начался лет сто назад. В нем насчитали 48 родов и более семидесяти видов диких сородичей культурных растений в Узбекистане. Для изучения выбрали шесть родов».

Четыре из них мы угадали, отвечая социологу. Пятый — дикорастущий ячмень. В Узбекистане произрастает несколько его видов — однолетних и многолетних. Они засухоустойчивы, жаровыносливы, скороспелы. Растут как на равнинах, так и в горах. От этого центральноазиатского эндемика произошли многие виды ячменя. А из эндемиков-луков изучается пскемский. Выбор ученые делали исходя из пищевой ценности. Шесть экспедиций в год собирают данные по каждому роду, фиксируя распространение, биологические особенности видов, потенциал, определяют координаты пробных площадок для мониторинга.

«В идеале исследовать стоит все известные и неизвестные роды и виды, произрастающие в стране. Тогда будут ясны нынешний статус каждого дикого сородича и действия, — продолжают эксперты. — Узнаем, что теряем, а какие не вызывают беспокойства».

Но мы уже волнуемся. За дикую вишню. Ее на поляне не заметили, подумаешь, кустик, а ей уже пятнадцать лет! Если сюда придет коза, дикая вишня, прощай. Волнуемся и за фисташковые леса. Говорят, самые крупные были в Бабатаге в Сурхандарьинской области, занимая семьдесят тысяч гектаров. На памяти одного поколения площади сократились до пятнадцати. «Ну и что? — провоцирует спор коллега. — Что мы в эту фисташку уперлись, когда на базаре иранскую продают?»

Эксперты разводят руками: «Родом иранская из наших мест. Когда-то «фисташка настоящая», так называется вид, занимала в Центральной Азии два миллиона гектаров. Это было очень давно, в каменном веке. Отсюда люди переселили ее в Сирию и Грецию, в первом веке она попала в Италию и здесь была введена в культуру. В мире известно около двадцати видов дикорастущей фисташки, но только у нашей съедобные плоды. Причем по вкусу они мало отличаются от культурных зарубежных сортов, а есть формы дикой фисташки, не уступающие лучшим иранским или калифорнийским сортам».

«Уперлись» специально, приехав в эти места. Таких, с шарообразными купами, не обглоданных козами и овцами, в Ташкентской области больше нет. А в Писталисае — 120 гектаров, и на гектаре по тысяче деревьев! Исследователи нашли их в ходе экспедиций в фермерском хозяйстве Айдарбека Кушкенбаева и его тринадцати сыновей.

Почему сохранились? Селения далеко. Поблизости есть ферма, но выпас был умеренный. По соседству в Бельдерсае скота не счесть, а на гектаре в среднем по паре деревьев и деградированная

почва. И там фисташка росла, как здесь, противостоя засухам и суховеям, шестиметровыми корнями удерживая склоны от размыва и оползней.

Оползни — от безлесья

Меньше чем на миллиметр прибавляет фисташкина «талия» за год, а сгорает в печи в момент. Такая же судьба у дикого миндаля, которого в Узбекистане четыре вида. Он имеют массу достоинств: по засухоустойчивости — почти как фисташка, с такими же могучими корнями, морозостоек. В природе встречается сладкий и горький миндаль, после прививок и горький становится сладким. А когда мороз трещит, все без разбору идет под топор. Рубят и орешины.

«Никакими запретами людей не остановить, когда нет альтернативного топлива», — сетуют эксперты. Про орех говорят, что хоть и называют его грецким, но только потому, что в Греции описан, распространился же он по миру из здешних мест. Достигает высоты в 35 метров, растет триста-четыреста лет и больше. Наши орехоплодовые леса — единственные в мире. Но площади под грецким орехом сократились за полвека с трех тысяч гектаров до полутора тысяч. Скот вытаптывает молодой подрост ореха, а население, не сознавая ценности этих лесов, вырубает их на дрова. Альтернативное топливо дает шанс сберечь. Параллельно с сохранением диких сородичей в Узбекистане реализуется проект Программы развития ООН «Содействие развитию биогазовых установок». Ищет варианты и Госкомприрода.

Внедрение возобновляемых источников энергии в отдаленных горных районах поможет решить проблему вырубки лесов. Скорее бы! Дальше по курсу медиатура мы увидим стволы у ворот домов, ишачков, спешащих по горным серпантинам с аналогичным грузом, а, обозревая панораму,- оползни, обрезавшие склоны.

Когда вырубаются деревья, плывет земля. В Писталисае не поплывет? Заезд к фермерам — вне программы медиатура. Одолеваем пару сотен метров на соседнюю горку. Отца Кушкенбаевых здесь нет, да и не все из тринадцати братьев на ферме, все-таки мы гости нежданные, но коли прибыли…

Пока мужчины заканчивают дела, осмотримся. Лиловеет туча над дальним ущельем, красный трактор в тени фермы, под напором брызжет вода, улыбается хозяйка, глядя, как резвы невесть откуда нахлынувшие городские, и отгоняет подальше телят.

Городские к братьям нагрянули с допросом: «Будете беречь лес?», «В город перебраться не собираетесь?», «Участвуете в сохранении диких сородичей?» Они в ответ хохочут: «Зачем в город? Здесь лучше. А лес сохраним. У нас же дети, для них лес нужен». Вопрос «А чем здесь лучше?», наверное, кажется им самым смешным. «Да всем! Недавно мы узнали про проект по сохранению диких сородичей и штук четыреста саженцев фисташки посадили. В посадках проект помог. Но мы и сами думали, что преумножать посадки нужно». «Плоды продавать будете?» — «И сейчас продаем, ведь приносят доход».

Да, всем здесь лучше. Не оторвать глаз от погромыхивающей тучи, все еще палит солнце в обороне, под ногами — мягкая земля вместо парящего асфальта. И в этом пейзаже — загорелые люди при деле. Но у них своя стезя, а у нас — своя.

Где водятся наманганские яблоки?

Проезжаем под плотиной Чарвакской ГЭС, потом все выше и выше, оставляя позади кишлак Хумсан. В отличие от ученых Евгения Буткова и Абдувахита Абдурасулова, которые только что нагрузили нас

фактажом по орехоплодным, профессор Уктам Пратов — романтик. Он заманивает в яблочную и луковичную тему любимыми фотографиями. Грустит оттого, что из лука, а его произрастает в нашем регионе около двухсот видов, изучается лишь пскемский. Но, вспомнив открытия экспедиций, веселеет: «Как богат Западный Тянь-Шань!»

Бостанлыкский район, по которому колесим, как раз и представляет географически Западный Тянь-Шань. Высятся над бурлящим Угамом Угамский и Чаткальский хребты, куда забирались экспедиции ученых. Где-то там, среди скал, в расщелинах зеленеет с ранней весны до глубокой осени пскемский лук. Пратов утверждает, что он вкусен и декоративен. Могучие перья вымахивают в рост человека, а белые соцветия украсят любой сад. В своем саду ученый растит пскемский лук ради красоты. Но видел в кишлаках участки по восемь соток, где эндемик, ставший экзотичным, выращивают на продажу как приправу. Растение многолетнее, на квадратном метре умещается с десяток кустов, и этот бизнес прибыльный. Если такие посадки перестанут быть единичными, вид сохранится с выгодой для местного населения.

До пскемского лука сейчас не добраться. У нас — программа, а по программе — яблони. Растут в Узбекистане дикие яблони двух видов — Сиверса и Недзевецкого. Выявлено более двухсот форм. Но многообразие куда больше, и, если ими плотно заняться, можно открыть не меньше. Есть формы, которые по вкусу и лежкости не уступают культурным. Народ вывел на их основе массу сортов. Помните песню про знаменитые наманганские яблоки? Очень были заметные — красные, коричневые, коричневатые. Теперь попробуй, найди — многие местные сорта вытеснены пришлыми. Пратов искал для сохранения генофонда. Ездил по кишлакам республики, ходил по дворам. Нашел за два года около полусотни местных сортов, выведенных от дичков, в том числе и наманганские. Радуется, что наманганских — аж четыре, сокрушается, что растут едва ли не в четырех частных садах.

Плантации для диких сородичей

«Сотрудники Угам-Чаткальского национального природного парка засаживают горы арчой и орехоплодными. Общая его площадь парка — 74 тысячи гектаров. В год осваиваются триста-четыреста». С этой информацией знакомит заместитель директора парка Эргаш Сарымсаков. Парк является полноправным участником проекта по сохранению диких сородичей. Что тревожит: одни сажают, другие скот пускают. Так — сохраним? Есть научные рекомендации?

Они готовятся для включения в новую Национальную стратегию по сохранению биоразнообразия. Надо продолжать посадки орехоплодных, высаживать привитые саженцы фисташки и миндаля, создать маточную плантацию под лучшие местные сорта яблонь. На территории парка находится филиал горного садоводства Узбекского НИИ садоводства и виноградарства имени Шредера — партнер в проекте по сохранению диких сородичей. Расположен на полутысяче гектаров и проводит испытания десятков сортов, форм, гибридов. Наверняка здесь найдется место для маточной плантации. Хватило бы на мечты финансов и готовности местного сообщества не рубить, не губить, беречь!

Мы обсуждаем материальные стимулы, а среди них — Программу малых грантов Глобального экологического фонда, запущенную в Узбекистане. Среди приоритетов — сохранение биоразнообразия и борьба с деградацией земель. Среди задач — вовлечение местных сообществ в снижение рисков глобальной окружающей среды и тиражирование наилучших практик. Сохранению лесов и диких сородичей культурных растений посодействует обязательно. Сообщества об этом мало знают? Так сообщим.

Наталия ШУЛЕПИНА
«Правда Востока», 15.8.2008г. Экоальманах «Просто пишем о среде» (четвертый выпуск), 2009г.

Добро пожаловать на канал SREDA.UZ в Телеграме

Следите за новыми материалами, экологическими новостями и публикациями.

Перейти
На главную В рубрику

Оставить комментарий Отменить ответ

Читайте также

Еще статьи из Биоресурсы

Биоресурсы

В Узбекистане запрещена охота на редкие виды диких животных согласно списку

04.08.2026
465 просмотров

Об этом - в Постановлении Кабмина «О мерах по возмещению ущерба объектам животного мира, а также по охране редких и находящихся под высокой угрозой исчезновения видов диких животных» с 1.8.2026 до 1.1.2028 г.

Биоресурсы

Сколько может стоить утрата биоразнообразия?

30.07.2026
411 просмотров

Сокращение биоразнообразия и деградация экосистем могут заметно ухудшить финансовое положение государств, снизить их кредитные рейтинги и повысить стоимость заимствований.

Биоресурсы

Как видит ФАО будущее продовольственной безопасности

12.07.2026
687 просмотров

Сохранение нынешней модели хозяйствования усугубит деградацию почв, ускорит истощение запасов подземных вод и заставит аграриев активнее конкурировать с природными экосистемами за землю и воду.